

УДК 719:72

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.Ю.Прокофьев

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY BASED ON THE JUDICIAL PRACTICE OF NOVGOROD GOVERNORATE IN REGARD TO RELIGIOUS OFFENCES

A.Yu.Prokof'ev

Гуманитарный институт НовГУ, april5298@rambler.ru

Исследуется проблема формирования правовой базы государственной охраны памятников истории и культуры на примере выявления и пресечения посягательств на имущество церкви. Особое внимание уделено анализу практики судебных органов Новгородской губернии XVIII—XIX вв. Основу исследования составили материалы Новгородского государственного архива и российское законодательство. Анализируются принципы и цели юридической ответственности. Выявляются причины роста религиозных преступлений в конце XIX в.

Ключевые слова: право и культура, защита исторических памятников, судебная практика, Новгородская губерния, кража церковного имущества

This article deals with the problem of legal framework of the state protection of historical and cultural monuments by the example of detection and suppression of encroachments on Church property. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice in Novgorod Governorate in the 18th and 19th centuries. The research is based on the materials of the State Archive of Novgorod Region and the Russian legislation. This paper presents the analysis of principles and goals of legal responsibility and also reveals the causes of increase in religious offences at the end of the 19th century.

Keywords: law and culture, protection of historical monuments, court practice, Novgorod Governorate, theft of Church property

Формирование отечественного уголовного законодательства, направленного на охрану культурных ценностей, имеет глубокие исторические корни. Начинается этот процесс с фиксации норм, направленных на криминализацию деяний, направленных против собственности церкви. Первым памятником отечественного права, обращаящим на себя в связи с этим внимание исследователей, является «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных» XI в. в Синодальной редакции, содержащий такие составы преступлений, как кражи в церквях (церковные татьбы), повреждение или уничтожение креста, священных предметов, почитаемых церковью, или иного церковного имущества [1]. В.В.Андрощук обращает внимание на последовательность закрепления подсудности подобных преступлений: «...в Древней Руси посягательства на церковь были подсудны только церковному суду и карались церковными наказаниями. Однако спустя столетия стало происходить перемещение религиозных деликтов из церковного суда в суд светский, где

они рассматривались на общем основании с другими преступными деяниями» [2].

Признаки последовательного закрепления уголовной ответственности за кражу имущества из церкви специалисты находят в Псковской судной грамоте, Судебнике 1497 г., Судебнике 1550 г., Сводном судебнике 1606—1607 г., Уставной книге разбойного приказа 1616—1617 г., Соборном уложении 1649 г. царя Алексея Михайловича, Новоуказных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г., Своде законов (изд. 1832 г.), Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.), Уголовном уложении 1903 г. и т.д. [1, с. 86-90]. Анализируя особенности квалификации святотатства в соответствии со ст. 219—226 Уложения 1885 г., В.В.Андрощук выделяет два условия, влиявших на степень наказания виновного: 1) принадлежность похищенных вещей церкви, 2) место совершения (в церкви, часовне или церковном хранилище) [3].

Обращение к вопросу церковных краж при изучении охраны исторического и культурного на-

следования России не случайно. Церковь, начиная с христианизации Руси по 1917 г., являлась главным собственником и хранителем национального достояния. Поэтому именно церковное имущество, предметы культа, иконы часто становились предметом преступных посягательств. Проблема была столь серьезной, в том числе и для Новгорода, что нашла отражение даже в художественном оформлении Новгородского Софийского собора. В регулярно публиковавшемся в 1850-х гг. в Новгородских губернских ведомостях «Указателе святынь и древностей города» при описании Софийского собора особо упоминается: «...на западной стороне, подле врат находится предел Святых исповедников Гурия, Самона и Авива, устроенный в 1445 году Архиепископом Евфимием в память чуда от иконы их в открытии похитителей церковного соборного имущества» [4].

Архивные материалы позволяют проследить общую тенденцию реализации закрепленных в выше названных актах норм в судебной практике Новгородской палаты уголовного суда и Новгородской палаты суда и расправы.

Сохранившиеся в фонде Новгородской палаты суда и расправы дела за 1793—1801 гг. свидетельствуют, что церковное имущество становилось предметом преступлений, как минимум, пять раз. Однако чаще всего речь шла о краже денег. В архивном фонде Новгородской палаты уголовного суда за 1772—1797, 1800—1801, 1832, 1864—1866 гг. содержится сорок дел о преступлениях против церковной собственности. Из них только 4 дела касаются кражи икон из церквей или часовен, одно дело о краже колокола.

Особый интерес представляют дела, содержащие материалы о кражах наиболее ценного церковного имущества из известных всей России соборов и церквей. Так, с июня по август 1785 г. Новгородской палатой уголовного суда рассматривалось дело о краже писцом Михаилом Арбузовым с икон Софийского собора в Новгороде шести венцов и одного подборodka (декоративного элемента в форме перевернутого полумесяца, прикрепленного к окладу под святым ликом). Дело поступило в Палату суда и расправы на ревизию из Новгородского уездного суда. В его материалах имеются указания на противоречия в показаниях. Причт собора Святой Софии первоначально сообщил о краже пяти венцов. Однако в ходе дознания выяснилось, что украдено было шесть венцов [5]. Очевидно, что учет и охрана ценных вещей в Софийском соборе налажены были слабо. Михаил Арбузов, несмотря на дворянское звание, был приговорен к «...тцати ударам, урезанию ноздрей, клейму на лбу, ссылке на работы в город Ригу» [6]. Применение в соответствии с нормами Соборного уложения и Воинского артикула Петра I жестоких телесных наказаний и назначение каторжных работ за церковные кражи было характерной чертой российского уголовного суда вплоть до судебной реформы 1864 г. [7, 8].

Следует отметить, что, несмотря на почитание собора Святой Софии новгородцами как главной святыни города, попытки совершить кражи из него происходили неоднократно. Так, еще до названного слу-

чая в 1778 г. из Софийского собора были украдены: «убрус, низанный жемчугом, с камнями с образа Тихвинской Пресвятой Богородицы и ящик с деньгами». Виновым в краже оказался помещик Трифон Фотеев. Приговор, вынесенный Новгородской палатой уголовного суда, гласил: «...сто ударов кнутом на площади, урезание ноздрей, клеймение, отослать на каторгу. Желю его высечь плетьюми и отослать в Духов монастырь для пострижения» [9]. Одновременно рассматривалось дело крестьянки Настасьи Филипповой о продаже иконы, украденной из Софийского собора Трифоном Фотеевым. Суд вынес решение: «плетьюми нещадно» и за прелюбодеяние («жила блудно») отослать в Новгородскую духовную консисторию (для решения дела) [10].

Далеко не все архивные документы XVIII — первой половины XIX вв. находятся в достаточной сохранности, позволяющей последовательно анализировать ход рассмотрения судебных дел. Тем не менее, даже отрывочные сведения дают возможность составить представление о характерных для данного периода составах преступлений и особенностях применения юридической ответственности. Так, с 29 мая 1789 г. по 14 июля 1789 г. Новгородской палатой уголовного суда рассматривалось дело о краже, которую петербургский купец Иван Гладкой и экономические крестьяне Ефим Спиридонов и Кирилл Никитин «учинили ...из часовни Лучского уезда Дмитриевского Городецкого погоста из стоящей близ деревни Туровой часовни ... образов». Из сохранившихся материалов ясно лишь, что в ходе судебного разбирательства предписано было содержать их под стражей в остроге [11].

В начале августа 1791 г. в Новгородскую палату уголовного суда поступило дело «...о краже из церкви Николая Чудотворца села Дмитриево Череповецкого уезда Ерофеем Малаховым, Федотом Ивановым, Григорием Сергеевым колокола». Приговор был вынесен 25 ноября 1791 г. на основании ст. 186, 189, 190 Воинского артикула и Гл. 21. ст. 14. Уложения [12].

8 апреля 1781 г. на ревизию в Палату уголовного суда из Новгородского губернского магистрата поступило «доношение», из которого следует, что «По указу Ея Императорского Величества в сем Департаменте учинено дело», поступившее из Кирилловского городского магистрата, о краже кирилловским мещанином Сашниным из ризницы Кирилло-Белозерского монастыря «с разных церковных вещей жемчуга». По делу также проходили тихвинский мещанин Харитон Щетинин и его жена Ефросинья Алексеева, обвиняемые в скупке краденой церковной утвари. Материалы дела содержат три журнала допросов. Из сохранившихся отрывочных данных приговора ясно, что Щетинин был приговорен к наказанию плетьюми, взысканию 90 рублей [13]. Из Старорусского городского магистрата 5 февраля 1781 г. поступило дело старорусского мещанина Степана Тимофеева, обвиняемого в краже иконы (образа Пресвятой Богородицы) с частями святых мощей из кельи иеромонаха Новгородского Сковородского монастыря. Тимофеев оправдывался тем, что кражу совершил «по глупости». Решение Палаты уголовного суда оказалось весьма гуманным: дело

было отправлено на рассмотрение в Новгородский совестный суд [14].

В большинстве же случаев Палата уголовного суда или Палата суда и расправы выносили суровые приговоры за церковные кражи. В 1797 г. в краже жемчужных подвесок с образа Богородицы Тихвинской из церкви Покрова Богородицы был обвинен экономический крестьянин выставки Быстрого Берега Старорусского уезда С. Михайлов. В приговоре Палаты уголовного суда имелась ссылка на применение в таких случаях в качестве наказания смертной казни с колесованием. Однако в окончательном определении с учетом предложения Новгородского гражданского губернатора за № 3261 от 25 сентября 1797 г. значилось: «высечь нещадно (50 ударов кнутом), вырезать ноздри, сослать на каторгу в Ригу» [15]. Такой же приговор был вынесен в деле 1799 г. экономического крестьянина Владимирской вотчины С. Егорова, обвинявшегося в краже денег из часовни Марка Пустынника («сорвав замок, украл 50 копеек, два полотенца шитых красной бумагой, холсту треть аршина») [16], хотя в данном случае среди краденного особо ценных предметов не числилось.

Иногда на воровстве попадались члены причта. В 1777 г. в краже 2-х серебряных венцов с образа Богородицы, «да церковных денег 3-х рублей 54-х с половиной серебряных копеек» из соборной церкви Владимирской Богородицы Ворониной пустыни Череповецкой волости Белозерского уезда обвинялся пономарь Семен Леонтьев. И, хотя в соответствии со ст. 14. гл. 21. Соборного Уложения надлежало его наказывать кнутом, вырвать ноздри, клеймить и отправить на каторгу, в окончательном определении с учетом его духовного сана и раскаяния (принесение повинной) значилось: «учинить ему наказание кнутом и отослать на поселение» [17]. Но чаще всего особых снисхождений к священническому сану не делалось. Так, в приговоре по делу о краже священниками Иваном Феофиантовым и Кузьмой Стапановым церковного имущества («4 образа старых, церковных денег, холста») из Ворониной пустыни и личного имущества у иеромонаха значилось: вместо казни — порка, вырезание ноздрей, клеймение и каторга [18].

Хорошо сохранилось уголовное дело (1864—1865 гг.) о краже икон, церковной утвари и драгоценностей из Кирилло-Белозерского монастыря, Молотковской, Климентовской, Ильинской, Фроловской церквей. В представлении судебного следователя 2-го участка г. Новгорода в Новгородскую Уголовную палату от 20 октября 1865 г. говорилось: «...имею честь представить произведенное мною следствие, в 2-х томах о покраже святых икон и других освещенных предметов из новгородских церквей». Опись дела включает 348 документов, среди которых особое внимание привлекает рапорт о следственных действиях, текст которого содержит признаки классификации икон: «древнего писания» [19]. В середине XIX в. постепенно формировалось понятие антиквариата и ответственности за его незаконный оборот.

Интерес представляют дела о «гастролерах», совершавших серийные кражи. Так, Палатой суда и расправы в 1797 г. рассматривалось дело «по обвине-

нию петербургских мещан Малоземова В.Е. и Соловьева Н. в ограблении церквей в Боровичском и Крестецком уездах». В Боровичском уезде (в селе Налец) и в Крестецком уезде (в Конховском погосте) «покрали со взломом риз, подризников, стихарей и прочего». Приговор: «За грабеж со взломом из двух церквей церковных и прочих вещей по Уложению 21 главы 14 пункта и Воинскому артикулу (196) подлежало бы казнить смертью и тела их на колеса положить. Но за силою именного 1754 года сентября 30 дня Указа вместо той смертной казни высечь нещадно кнутом, вырезать ноздри до кости, поставить на лбу и на щеках штемпелями знаки и сослать в больших кандалах в тяжкую каторжную работу в город Ригу. Казнь произвести в торговый день в Новгороде» [20].

Как видно из судебных определений, наказание носило репрессивный характер. Цель сводилась к устрашению и пресечению попыток любого посягательства на ценное церковное имущество. Очевидно для Новгорода и специфика составов преступлений. Иконы и другие предметы культового характера похищались «гастролерами» из близко расположенных Санкт-Петербурга и Москвы с целью последующей их реализации на обширном столичном криминальном рынке.

Анализ статистики правонарушений в целом по России перед и после судебной реформы 1864 г. позволяет специалистам утверждать, что с 1857 по 1877 гг. количество ограблений церквей удвоилось [21]. Д.А. Комаров объясняет рост подобных преступлений в крестьянской среде «своеобразной религиозностью», балансирующей между богобоязненностью и богоборчеством [21, с. 106]. Однако не следует забывать о нарастании социальной напряженности после реформы 1961 г., отменившей крепостное право, но не давшей землю крестьянам.

Практика судебных органов Новгородской губернии отражает характерные для второй половины XIX в. общероссийские тенденции в неуклонном увеличении преступных посягательств на церковное имущество, представляющее собой историческую и культурную ценность. В условиях бурного развития рыночных отношений культурное достояние все чаще оценивалось с позиций товарной стоимости и, как следствие, попадало в оборот криминального рынка. Судебные органы в таких условиях стали главным звеном государственного механизма, реализующим функцию государственной охраны памятников истории и культуры.

1. Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 85.
2. Андрощук В.В. Общий характер религиозных деликтов, их виды и место среди уголовно-наказуемых деяний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): В 4 ч. Ч. VI. С. 19.
3. Андрощук В.В. Преступления против церковной собственности и религиозных святынь в уголовном законодательстве России конца XIX — начала XX в. // История государства и права. 2011. № 4. С. 20.

4. Новгородские губернские ведомости. Отдел II. Часть неофициальная. № 40. 1851. С. 184.
5. Государственный архив Новгородской области (далее: ГАНО). Ф. 537. Оп. 2. Д. 624. Л. 19.
6. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 624. Л. 37.
7. Глушаченко С.Б., Пиджаков А.Ю., Виноградов Н.А. Недостатки в судоустройстве и судопроизводстве накануне Судебной реформы 1864 года // История государства и права. 2004. № 4. С. 20.
8. Алексеев В.И. Ссылка как элемент уголовно-правовой кары во второй половине XIX столетия: система, элементы // Вопросы правоведения. 2014. № 1. С. 457-470.
9. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 59. Л. 97.
10. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 63. Л. 20.
11. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 867. Л. 1-26.
12. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1001.
13. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 340. Л. 113.
14. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 291. Л. 54.
15. ГАНО. Ф. 529. Оп. 3. Д. 86. Л. 1-28.
16. ГАНО. Ф. 529. Оп. 3. Д. 212. Л. 7.
17. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 61. Л. 40.
18. ГАНО. Ф. 635. Оп. 2. Д. 54. Л. 100.
19. ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1. Л. 10-12.
20. ГАНО. Ф. 529. Оп. 3. Д. 70. Л. 4, 31, 46-47.
21. Комаров Д.А. Преступления «против веры»? Религиозные преступления в крестьянской среде (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2011. Вып. 3. С. 100.

References

1. Klebanov L.R. Uголовно-pravovaya okhrana kul'turnykh tsennostei [Criminal legal protection of cultural property]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2011. 352 p.
2. Androshchuk V.V. Obshchii kharakter religioznykh deliktov, ikh vidy i mesto sredi uголовno-nakazuemykh deianii [General character of religious delicts, their types and place among criminal acts]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, 2011, no. 8 (14), vol. 4, pp. 18-21.
3. Androshchuk V.V. Prestupleniia protiv tserkovnoi sobstvennosti i religioznykh sviatyn' v uголовnom zakonodatel'stve Rossii kontsa XIX — nachala XX v. [Crimes against church property and holy things in the criminal legislation of Russia of the end of the XIX — beginning of the XX centuries]. Istorii gosudarstva i prava — History of State and Law, 2011, no. 4, pp. 20-22.

4. Novgorodskie gubernskie vedomosti [Novgorod Provincial Gazette]. Part II (unofficial), no. 40, 1851, p. 184.
5. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 624, fol. 19.
6. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 624, fol. 37.
7. Glushachenko S.B., Pidzhakov A.Iu., Vinogradov N.A. Nedostatki v sudoustroistve i sudoproizvodstve nakanune Sudebnoi reformy 1864 goda [Shortcomings in the judicial system and legal proceedings before the Judicial Reform of 1864]. Istorii gosudarstva i prava — History of State and Law, 2004, no. 2, pp. 17-20.
8. Alekseev V.I. Ssylka kak element uголовno-pravovoi kary vo vtoroi polovine XIX stoletii: sistema, elementy [Exile as an element of the criminal law penalties in the second half of the 19th century: system and elements]. Voprosy pravovedeniia — Issues of Jurisprudence, 2014, no. 1, pp. 457-470.
9. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 59, fol. 97.
10. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 63, fol. 20.
11. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 867, fols. 1-26.
12. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 1001.
13. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 340, fol. 113.
14. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 291, fol. 54.
15. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 529, Inventory 3, File 86, fols. 1-28.
16. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 529, Inventory 3, File 212, fol. 7.
17. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 61, fol. 40.
18. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 635, Inventory 2, File 54, fol. 100.
19. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 537, Inventory 2, File 1, fols. 10-12.
20. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund 529, Inventory 3, File 70, fols. 4, 31, 46-47.
21. Komarov D.A. Prestupleniia «protiv very»? religioznye prestupleniia v krest'ianskoi srede (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka) [Criminals «against belief»? Religious crimes among peasants (second half XIX — beginning of XX century)]. Vestnik TvGU. Serii: Istorii — Herald of Tver State University. Series: History, 2011, no. 3, pp. 96-106.